

В отряде было шесть человек: две маршрутных пары, повар и конюх – стандарт маленького лёгкого съёмочно-поискового отряда. Его, Михалыча (так его звали в отряде), в маршрутах чаще всего сопровождал совсем молодой, ещё не служивший в армии парень из местной русской семьи, которого созвучно данной ему от родителей фамилии все звали Алексаха. Другого геолога – Василича – сопровождал в маршрутах оформленный инженером техник Вячеслав, часто звали его просто Славка, и он не обижался на такую фамильярность.

Славка являлся находкой для горно-таёжных дел. Он заочно в промежутках между работой, в том числе экспедиционными полями, окончил геолого-разведочный техникум. О своей прежней работе он говорил неохотно: кажется, после армии неудачно занимался торговым бизнесом. В тайге Вячеслав умел всё. Несколько лет назад попал к нам в конский отряд и мгновенно освоился со всеми особенностями новой работы: был незаменим в организации палаточных бань с паром, прекрасно и быстро разделывал туши убитых зверей, в том числе медведей, организовывал копчение мяса, рыбы, быстро вникал в нрав каждой лошади и многое другое. Несмотря на совершенно прагматичный подход к таёжному быту, он был романтиком. Вся наша Сибирская геология славна такими романтиками: как-то в маршруте, поднявшись на ведущую

вершину, он с прищуром посмотрел вдаль, где в туманной дымке кулисно громоздились синие хребты со снежниками.

– Что хочется туда?

– Конечно, очень. Там где-то истоки Бий-Хема (Большого Енисея). Попадём ли мы туда?

– Всё нормально будет – попадём.

Дальше и выше, в мало изученные места. Это было понятно им обоим.

Караван из одиннадцати коней продвигался звериными тропами вдоль долины. На полянах тропы были заметнее, в затаёженных местах терялись. Впереди уверенно без лишних отступлений в стороны ехал наш конюх – проводник Дамба. Дамба очень чётко ориентировался в выборе пути для лошадей. Он ходил с отрядом уже третий год. Какое-то внутреннее чутьё, умноженное опытом «шляния» по тайге, делало его незаменимым проводником по горно-таёжным, иногда трудно проходимым со сложным рельефом местам. Как проводник, да и как конюх, он был создан для мобильной геологической работы.

За ним ехал на крупной выносливой кобыле Василич – второй ответственный исполнитель геологических работ, к тому же наделённый полномочиями начальника отряда. Замыкал шествие автор этих строк, также ответственный исполнитель работ. Он, как самый выносливый, частично шёл пешком, отдавая шустро пегого меринка Алексею. Каждый из седоков вёл или бодрыми криками подгонял завьюченную лошадь.

Шли уже около трёх часов. Всего два раза за это время раздавался крик «пичи монар» – «маленько подожди» по-тувински. Тогда все останавливались поправить выюк, либо перевьючить коня полностью.

Впереди – крутой поворот долины, стенкой стоял левый водораздел. «Пичи монар», – крикнул Михалыч и достал

спрятанную в целлофан карту, приглашая подойти Дамбу и Василича.

Было душно, что-то тревожное нависло в воздухе. «Плохо, – сказал по тувински Дамба. – Будет сильный дождь».

Дамба круто повернул поперёк долины на склон. В чистой тайге сперва еле заметная звериная тропа превратилась в наезженный звериный тракт.

– Вот это да! Дамба молодец, сразу нашёл тропу, – громко сказал повар, которого все звали Карасал. Это по-тувински «чёрная борода».

Карасал был в любой обстановке неунывающим человеком. Он везде находил повод повеселиться, что часто в нашей походной жизни оказывалось очень кстати. Его оптимистические возгласы, громкий смех, юморные замечания всегда были уместны. Он не был дипломированным поваром, работал первый сезон, но быстро приспособился к нашему (и своему) существованию, включая особенности полевой кухни.

– Погоди радоваться, сглазишь. Что-то дальше будет? – Вячеслав знал, что такие тропы обычно ведут к отстойникам копытных зверей либо на солонцы и кончаются на гребнях водоразделов.

На крутом подъёме не было трудно преодолимых препятствий для лошадей. Натоптанная тропа проложена между двумя большими полями курумов, в двух или трёх местах путь перегораживали скальные выходы, которые сравнительно легко обходились стороной. «Песчаники долонсой свить», – отметил Михалыч про себя (свита – комплекс слоистых пород одного типа). Лошади останавливались всего два раза «для перекура», как выразился Карасал. Людям из сёдел можно было не соскакивать, хотя иногда спешивались, жалея лошадей.

Вот и водораздел. От заката двигалась лохматая туча, вот-вот закроет солнце. Все спешили. Внизу – очень круто,

иногда на спуске торчат «зубатые» скалы, они кулисами скрываются в лёгкой дымке. Конца им видно не было. Снизу иногда доносился рёв потока. Кажется, что кони смотрели на нас с упрёком: «Неужели туда?»

Чёрная туча на западе была с белёсой каймой. «Будет град и сильный ветер», – подумал Михалыч. Дамба показал, что ниже, метрах в пятидесяти вдоль склона, наметилась чуть выровненная, хотя тоже наклонная, полка. Михалыч вместе с Дамбой спустились по крутяку на неё. Здесь даже травка росла.

– Сюда, – сказал Дамба.

– Конечно.

Поднялись наверх, причём Дамба двигался на четвереньках. Он еле отдышался, откурился, как сказал Карасал, взял за повод своего коня, а Михалыч – коня с вьюком средней тяжести.

– Дамба! Только – вниз, наверх больше не лезь.

– Пошли, пошли! Чу-чу!

Вьючный конь на курумах сел на задние ноги и, казалось, со стоном начал осторожно перемещаться, часто упираясь передними. В основном до террасы спускались без происшествий и без травм. Этому помогала плоская форма курумных глыб. Кони тяжело дышали. Не дай Бог, курум бы поехал на таком крутяке.

Быстро сбросили вьюки со спальниками в привьюках. Укрыли всё брезентовыми тороками. Михалыч поднялся назад.

– Карасал! Давай таким же путём лёгкого кухонного коня. Алексаха! Своди туда к Дамбе нашего ездового. Славка! Не торопись, следующим заходом пойдём.

В воздухе всё замерло, омертвело, только иногда с перерывами далеко внизу шумел поток. Алексаха спускался первым, что-то говорил коню.

– Алексах! Ты куда? Бери правее! Мать-мать-перемать!
– это Карасал.

Наконец эти два коня спустились. Карасал громко что-то обсуждал с Дамбой. Оказывается, он не хотел развьючивать кухонного коня: там была только посуда, небольшое количество продуктов на обед и растопка для костра, в привьюке – палатка и спальник.

Михалыч взял за повод коня с тяжёлым вьюком – рудными пробами, а Вячеслав – спокойного мерина с двумя вьючными ящичкам и рацией «Алмаз», которая весила без дополнительной амуниции двадцать килограммов. Знакомым путём пошли вниз. Флегматичный мерин с ящиками спускался с отдыхом, обнюхивал камни на пути. Гнедой конь с пробами совсем близко учуял своих приятелей на терраске и заторопился, проехался по плоской глыбе и лёг на бок. Вьюки не дали ему съехать кверху ногами. Михалычу прижало ногу вьюком. Славка, не отпуская повод своего коня, хотел поднять упавшего. Бесполезно. Снизу лез Карасал: «Мать-перемать! Давай развьючим здесь». В это время тоскливо, но призывно заржал ездовой конь Дамбы. Лежащий рванулся, ему помогли Славка и подоспевший Карасал. Конь встал, удержался на склоне. Помогли встать Михалычу.

– Как нога?

– Слава Богу.

– Пошли потихоньку.

Василич взял за повод упитанную кобылу, которая призывно ржала. Ей звонко отвечал конь Дамбы. Славка повёл тяжело навьюченного каменным материалом пегого мерина Альку. Повар Карасал держал наготове своего ездового конягу.

– Может, пойдём? – спросил он.

– Нет, пусть спускаются, вдруг что-нибудь не так пойдёт.

Они спустились. Снизу раздался сигнал: «Давай!» К нам поднялся Алексаха.

– Жди сигнала, смотри за конём.

Из-под копыта коня Карасала поехал, набирая скорость, здоровенный камень, вызвав движение других.

– Берегись!

Слава Богу, обвал миновал нашу группу. Долго грохотало где-то внизу. Алексаха, чётко следуя в деталях знакомому спуску, провёл последнего коня.

Казалось, нечистая сила смеялась над нами – чёрная туча закрыла солнце.

– Ничего, прохладнее будет, – сказал Карасал.

Предстоял окончательный спуск на дно ущелья. Дамба взял своего ловкого коня за повод, а Василич – кобылу.

– Василич! Может, не надо? Давай спустим сперва одного коня.

– Ничего, потихоньку. Возьмите верёвки.

– Хе-хе, вроде получается. Обманем чёртов склон, и верёвки не нужны, – сказал повар.

– Подожди ты, сглазишь, спускаться да спускаться ещё, – мрачно произнёс Василич.

И сглазил. Путь вниз преградили скалы, самая низкая – чуть больше метра высотой. Дамба остановился, забрался на эту скалу, посмотрел вниз. Махнул рукой: «Давай!» Его конь заскокочил на скалу, а затем прыгнул вниз за ним.

– Вот это да-а!

Цепляем верёвку за кольца нагрудника кобылы. Двое держат концы верёвки с двух сторон.

– Давай!

Лошадь затащили на скальный выступ.

– Держи верёвки! – скомандовал Василич и слез вниз.

Кобыла прыгнула на курум, натянутые верёвки удержали её от падения. Дамба выбирал путь только по куруму, стараясь

близко не подходить к беспорядочно разбросанным по склону скальникам. Крутизна спуска увеличивалась. Михалыч остановился, пропуская вперёд всю кавалькаду. Лошади и люди проваливались вниз, как в преисподнюю. Передний конь завязил ногу между камнями. Навалились, раздвинули курумные глыбы.

Сплошные кулисы скал преградили спуск. Узкий проход между ними. Кони встали под высоким скальником, нависшим над чистой площадкой. Кобыла дрожала, её глаза спрашивали: «Долго ещё будет это безобразия?» Мы гладили её: «Скоро спустимся к воде».

Михалыч механически отметил: «Кислые эффузивы с сульфидами. Нужно потом запланировать маршрут». Дальше пошло легче: крупный курум быстро кончился. Под ногами – осыпь из плиток осадочных пород. Кони иногда просто ехали по ней, мы – тоже.

Подняли пыль. Наконец – дно ущелья. Возле воды проявилось что-то вроде тропы, но она быстро исчезла, скорее всего, перешла на другую сторону потока, из которого мы вместе с животными напились досыта.

От тучи стало ещё темнее. Все, кроме Дамбы, собрались идти наверх.

– Дамба, отойди с конями дальше от спуска.

Михалыч махнул рукой по направлению вниз по ущелью: «Не дай Бог, обвалим курум». Путь наверх без коней показался легче, чем вниз: у маршрутчиков сказался опыт ходьбы по курумам, а Карасал старался показать перед ними свою выносливость. На кратких остановках он даже пытался сквозь прерывистое дыхание запеть: «Вперёд, геолог, держись, геолог!»

Отдохнули под навесом «рудной» скалы, спустились на дно ущелья. Дамба что-то поколдовал над Алькой. Пошли наверх вчетвером. Повара было жалко, он еле шёл, кое-где на

четвереньках. Показалось, что последняя тройка шла дружно. Когда подошли к скале, где нужно прыгать, снизу несколько раз раздалось чуть слышное призывное ржание. На него ответили спускающиеся по куруму. Карасал снова хотел идти наверх, хотя еле держался на ногах.

Пошли втроём. Туча уже накрыла всё небо и приблизилась к Долонскому гольцу. Нужно было поторапливаться, двигаться на волевых запалах. Надо! И всё тут тебе.

Упали первые капли. Порыв влажного ветра разрядил предгрозовую духоту. И вдруг чёрное небо над склоном Долонского гольца ярко вспыхнуло от молнии. Гром резкий и даже звенящий последовал немедленно за вспышкой. С неба хлынули потоки воды. Ураганный ветер перемешал их, иногда казалось, что дождевые потоки захлёстывают всё даже снизу. Яркие молнии блистали непрерывно.

– Идти-то надо, – прокричал Михалыч.

– Куда?

– Наверх, сносить всё под скалу, – орал он.

Пошли. Он спрятал очки в нагрудный карман. Молнии освещали дорогу, помогали идти чётко друг за другом.

Наверху забрали большую часть груза. Вдруг, недалеко уже от «рудной» скалы, он запнулся и сильно ударился верхней частью ноги об острый камень. Почувствовал, что нога в крови.

– Показывай, что там? – сказал Василич.

Сильный порыв ветра, и гром унёс ответ. Бинт у всех всегда был наготове.

– Ничего себе!

Василич достал откуда-то ключ, залез во выучный ящик с секретами, достал аптечку. На обработку раны ушло совсем немного времени.

– Сиди, а мы пошли, дай Бог, последний раз, – кричал Василич.

Михалыч, конечно, не усидел, взял вьючный ящик и потихоньку стал скатываться вниз по осыпи. Чувствовал, что кровь опять пошла обильно. Конюх нервничал: «Уходить надо, вода поднимается!»

– Сейчас, ещё две ходки от скалы.

– А что? Вьюки уже там что ли? Хорошо!

В это время на верхней террасе забрали остатки груза. Василич при свете молний всё осмотрел, нашёл недоуздок, спрятал под крышку сумины.

– Тронулись!

В середине пути к «рудной» скале Славка упал, треснулся головой, слава Богу, не сильно. Быстро отошёл. Василич вновь почувствовал боль в ноге. Уже под скалой Карасал упал на вьюки: «Вода нас сверху маленько освежает, а то бы я совсем лёг». Михалыча под скалой не нашли – исчез с вьючным ящиком.

– Я так и знал, – пробормотал Василич.

Гроза продолжалась, дождь лил нескончаемо, мешали порывы ураганного ветра, видимость была отвратительная. Взяли максимум груза. Тяжеловес Василич схватил в каждую руку по сумине и заскользил по осыпи.

Михалыч поднимался в стороне от проторённого пути сразу от коней. Здесь курум покрупнее: шагай, как по лестнице, но силы катастрофически исчезали. Вот и скала. Взял рацию – и вниз.

Все встретились у коней. Дамба решительно закричал: «Вьючиться надо и уходить – вода быстро прибывает. На курумах что ли ночевать с конями?» Все поняли, что через некоторое время смоем нас, и коней, и вьюки.

Наконец все вьюки внизу! Кажется, даже лошади вздохнули довольные. Прорвёмся! Вьючка при свете молний закончена, можно трогаться, но все знали, что впереди – мощный

прижим, и необходимо перебираться на другой борт ущелья. Здесь был уже не ручей, а ревущий поток. Как обычно, Дамба со своим необыкновенным чутьём показал дорогу и, как казалось, уверенно полез со своим умным конём в воду. Алексаха сел поверх выюка на кухонного. Всё бы хорошо, кони по брюхо пересекли взбесившийся ручей, но у самого другого берега кухонный запнулся, упал на колени, а седок оказался в воде чуть ниже пояса, он быстро вскочил, вывел коня на берег.

– Ну как?

– Ничего, всё равно мокрый, – пробубнил Алексаха, на ходу выливая воду из сапог.

Его реплику никто не слышал.

– Все умучились, кони тоже, – проворчал Михалыч.

Пошли без приключений. Путь был весь в камнях, но казался нормальным – это после кувыркания на склоне ущелья, которое постепенно расширялось к устью. Всё бы хорошо, но примерно через километр пути ударил сильный порыв ветра и пошёл крупный град. Кони норовили к его хлётким ударам встать задом.

Камней к устью стало меньше. Выход в широкую полянистую долину. Град прошёл, но дождь лил. Откуда столько воды? Переход через широкую реку был без осложнений. Очень темно, но на западе, откуда пришла непогода, появилась светлая полоска. Она то исчезала, то опять появлялась.

Дождик как будто услышал нас и сбавил темп. Два навьюченных коня по непонятным причинам, а скорее всего, потому что вышли на простор травянистых полей, вдруг быстро исчезли в темноте. Конюх рысью догнал их и привёл обоих.

Василич и Алексаха рубили стойки, перекладину и колья для палатки. Михалыч с Вячеславом начали разворачивать

палатку на ровном месте. Карасал закричал: «Вы чего? Тут же вода!»

– Давай сюда! Тут хорошо, – позвал Василич...

Славка оправдывался – оба с Михалычем плохо видели ночью без освещения.

Быстро и умело поставили палатку, покрыли её брезентовым пологом, расстелили слегка влажные кошмы. Спальники почти не намокли – их сохранили от ливня под брезентами. Повар занёс одну сумину с кухней, Василич – вьючник с секретами. Зажгли три свечи, Карасал подмигнул Славке – он уже знал, что из НЗ кое-что будет.

– Где Дамба? – Михалыч выглянул из палатки, потом пошёл привязывать лошадей, но Дамбы нигде не было. Он громко стал звать его. Из палатки вышли ещё двое, появился тусклый фонарик. Наконец нашли. Он накрылся своим тяжёлым чабанским плащом и лежал под кедром. Понятно, что очень устал, в том числе и от бесконечных треволений.

– Дамба, вставай, пошли в палатку, сейчас Василич нальёт с устатку, – прокричал Славка рифмой.

Конечно, такое обещание подняло конюха на ноги, но в палатку он сразу не пошёл: все помогли ему сбросить сёдла, уложить их, привязать четырёх коней за длинные верёвки, а остальных отпустить. Лошадиное общество обрадовано вздохнуло.

В палатке все скинули наружу мокрую одежду, сели в спальниках возле вьючника. Повар достал сделанную из консервных банок горелку, поджёг несколько таблеток сухого спирта. Распечатали три банки тушёнки, бросили содержимое в дюралевую миску, появилось несколько рёбер копчёной маральятины, немного сухарей. Ложки, кружки были тоже «под боком» в кухонной сумине. Все знали, что сухари, тушёнка были на исходе: в скором времени Вячеславу с Дамбой пред-

стояла поездка в базовый посёлок за продуктами, отвезти пробы и образцы. Василич начал наливать в кружки спирт по сто двадцать граммов чётко на глаз. Хватились – нет воды. Алексаха схватил чайник.

– Не бери из ручья, туда сейчас вся муть съехала!

– Я знаю откуда брать.

Он наткнулся на маленький ключик, когда рубил колья для палатки. Действительно, принесённая вода была прозрачной.

Все выпили и не поморщились. Приятно зажгло внутри. Курящие закурили махорку из кисета Дамбы. Сигареты «Прима» давно кончились. Он не возражал – скоро будет в посёлке.

Стало хорошо, всё было позади, впереди – лёгкий переход по долине с полянами.

– Дамба! Не гляди пристально на вьючник. Спирту там – самая малость, только для медицинских целей, что не дай Бог, – назидательно произнёс Василич.

На поляне, покрытой невысокой травой с красными цветами, возвышались разлапистые кедры. Всё это окружали затаёжные склоны хребта – одного из объектов наших маршрутов.

В руках всё спорилось. Быстро поставили палатку с тентом поверх неё, тент над кухней, натянули антенну для рации. Стали таскать камни для бани. Дамба привязал пять коней на длинную привязь, остальных отпустил. Казалось, кони улыбались.

– Давай базальты! – кричал Славка.

Вячеслав сделал большую печь, разжёг огонь. Попили чаю с золотым корнем.

– Чай кончается, – сообщил повар.

– Знаю, его никогда не хватает, чиферить меньше надо. Привезут, – проворчал Василич.

– Да, чаю и курева никогда не хватает, – примиренчески сказал Михалыч.

Через три часа на базальтовую печь весело с прибаутками поставили палатку, укутали её брезентовым тентом. Вода в казане уже кипела. Первыми пошли главные вместе с Вячеславом. Парились вениками из карликовой берёзки – пихту поблизости не нашли. Шуму было много. В ручей полностью плюхался только Василич, остальные обливались ледяной водой, стоя в ней по колено. Потом пошли ещё двое с банными выкриками. Дамба париться не любил – нырнул в баню последним, долго сидел, грелся. Ему досталось больше всех горячей воды. Ближе к вечеру банную палатку поставили под жильё.

Солнце катилось к горизонту, красиво освещало лагерь. Михалыч достал фотоаппарат, отошёл метров на сто пятьдесят, щёлкнул несколько раз, подумал: «Палатки, пасущиеся кони никогда не портят первозданный вид пейзажа. Не хуже зверей прекрасно вписываются в него геологи и их помощники. Дай Бог, быть таким нетронутым местам удивительной красоты на планете ещё долгие столетия».

После заката у костра весело смеялись в основном шуткам Карасала: «Дамба, Алексаха стесняется, но мне проговорился – пусть привезут во вьюке ту продавщицу из магазина». Продавщица – действительно хорошенькая тувиночка – кокетничала с нами, когда мы собирались в путь-дорогу.

– Хоть бы благополучно съездили, всего с двумя ночёвками туда и с двумя назад, – сказал Михалыч.

Рано утром два всадника и три завьюченных каменным материалом коня скрылись за поворотом. Нужно идти в маршрут: новое место, на продолжение уже намеченной геологической ситуации. Ради этих маршрутов происходят всё, в том числе надсадные приключения. Дай Бог всем здоровья и благополучного завершения полевого сезона.